

УДК 81'42

Вековищева С.Н., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

АВТОР И ТЕКСТ (К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА)

S. Vekovishceva, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

AN AUTHOR AND THE TEXT (TO THE HUNDRETH ANNIVERSARY OF THE DEATH OF FERDINAND DE SAUSSURE)

Аннотация. Статья посвящена одной из заслуживающих внимания дат в истории науки о языке – столетию со дня смерти выдающегося швейцарского лингвиста, фактического основоположника языкознания XX столетия Фердинанда де Соссюра. Отмечается, что вопрос об авторстве вышедшего посмертно под его именем «Курса общей лингвистики» и о степени идентичности текста названного труда идеям «подлинного Соссюра» привлекал внимание многих исследователей и неоднократно являлся предметом острых дискуссий. В связи с этим обособляется целесообразность различать биографическую и собственно историко-научную сторону формирования и развития лингвистических концепций.

Ключевые слова: Ф. де Соссюр, текст, источник, автор, язык, объект, курс.

Abstract. The present paper is dedicated to one of the important dates in the history of science of language – the hundredth anniversary of the death of the great Swiss linguist, the factual founder of the XX century linguistics Ferdinand de Saussure. It is mentioned, that the problem of the authorship of the *Cours de linguistique générale* and the extent of the authenticity of its text to the ideas of the 'real' Saussure was discussed by many scientists and is controversial till nowadays. The authors postulated the expediency to differentiate the biographical part of the creating and developing linguistic theories from the scientific and historical side as such.

Key words: F. de Saussure, text, source, author, language, object, course.

22 февраля 1913 г., незадолго до начала Первой мировой войны, в своём имении Вюффлан скончался профессор Женевского университета Фердинанд де Соссюр, за некоторое время до смерти прекративший по болезни преподавательскую деятельность. За исключением близких учеников и коллег, общавшихся с ним в последнее десятилетие его жизни, остальной лингвистический мир знал его, главным образом, по юношеской работе, посвящённой первоначальной системе индоевропейского вокализма, после которой каких-либо значительных трудов из-под его пера не выходило. А затем – публикация «Курса общей лингвистики», автором которого значился Соссюр, превращение этой книги, если можно так выразиться, в своего рода «научный бестселлер», провозглашение её «Библией современного (с позиции 20-х гг.) языкознания», перевод на ряд языков (включая японский, ставший, кстати, первой по времени публикацией книги на иностранном языке, после которой последовали издания немецкого и русского переводов) и превратившееся на многие десятилетия для подавляющего большинства учёных в аксиому утверждение о том, что «это-то несуществующее произведение, плохо ли, хорошо ли воссозданное Балли и Сеше, возвестило, что в науке о языке наступил XX век» [14, с. 667].

Для человека, не знакомого с историей появления «Курса общей лингвистики» (впрочем, вряд ли можно найти в мире языковеда, который бы её не знал), словосочетание «воссозданное несуществующее произведение» явно показалось бы оксюмором. Согласно любо-

му толковому словарю, «воссоздать» – это «создать вновь, повторить» [12, с. 113], а каким образом возможно «повторить» то, чего никогда не было? Однако автор процитированного высказывания был абсолютно прав: с одной стороны, трудно найти общелингвистическую работу, в которой не встречались бы выражения типа: «по словам Ф. де Соссюра», «как утверждал Ф. де Соссюр» и т. п. С другой стороны, относительно очень многих положений прославленной книги шли (и продолжают идти) споры о том, действительно ли это «слова Соссюра» и действительно ли швейцарский языковед соответствующее положение «утверждал».

В задачи данной статьи, естественно, не входит рассмотрение «соссюровской проблемы» в целом. Во-первых, анализ её потребовал бы солидного монографического труда, объём которого занимал бы, вероятно, не одну сотню страниц; во-вторых, существует достаточно большое количество работ, детально исследующих различные аспекты данной темы. Ограничимся в этой связи ссылкой на монографию Е. Кёрнера [18], к сожалению, относительно малоизвестную отечественному читателю, располагающему, правда, достаточно информативными работами Н.А. Слюсаревой [9], А.А. Холодовича [14; 15], В.Г. Кузнецова [5] и др., в достаточной мере учитывающими и данные зарубежных исследователей. Остановимся поэтому лишь на некоторых моментах, связанных с более общим вопросом о соотношении понятий «автор» и «текст», поскольку, если говорить о научной литературе, «Курс общей лингвистики» предоставляет для этого особенно подходящий материал.

Но приступить к рассуждению мы позволим себе с одного примера, приведённого в своё время А.А. Леонтьевым и, на первый взгляд, какого-либо отношения к интересующей нас теме не имеющего: «...В практике экспертной работы мы столкнулись с проблемой, когда подсудимый обвинил следователя в том, что тот продиктовал ему текст показаний. Возник естественный вопрос следственных органов – могло ли такое про-

изойти? В результате исследования текстов показаний и заведомо принадлежащих тому же исполнителю других текстов комиссия пришла к единодушному заключению о том, что следователь не являлся автором анализируемого текста, но являлся *автором содержания этого текста*, то есть, по-видимому, говорил подсудимому, что надо писать, а тот излагал то же содержание “своими словами”» [6, с. 350].

Если применить сформулированное в приведённом высказывании разграничение к «Курсу общей лингвистики», то, вероятно, проще всего будет сказать, что Соссюр был именно «автором содержания текста» книги, отражённого в конспектах его студентов, а Ш. Балли и А. Сеше, опираясь на последние, изложили его в ряде фрагментов «своими словами», поскольку иным способом объединить то, что содержалось в тетрадах разных лиц, к тому же слушавших в разное время три не совпадающих варианта лекций, вряд ли было возможно.

Однако, даже приняв подобную трактовку (которая, несомненно, точнее, чем именование Соссюра «автором» текста «Курса»), неизбежно придётся ответить, по меньшей мере, ещё на два вопроса: в какой степени Соссюр являлся «автором содержания текста» и насколько «свои слова» Балли и Сеше соответствуют этому самому содержанию? Оба вопроса нашли достаточно подробное освещение в ряде исследований, в том числе, и упомянутых выше. Поэтому коснёмся здесь лишь нескольких связанных с ними моментов.

О так называемых «источниках» «Курса общей лингвистики» (который, как известно, сам практически не содержит «ссылок на использованную литературу» и, с этой точки зрения, абсолютно не соответствует предъявляемым к научному труду формальным требованиям – что, впрочем, понятно, учитывая лекционный жанр, в котором формулировал свои мысли жене́вский лингвист) говорилось и писалось весьма много. В связи с этим А.А. Холодович в своё время иронически заметил: «Почти любое утверждение, сформулированное Соссюром, нетрудно свести к

идее, высказанной кем-либо из его предшественников или кем-либо из современников. Очень многие лингвисты с изрядным рвением занимались этим малопродуктивным делом. При этом одни стремились превратить весь «Курс» в парафраз сочинений одного единственного лингвиста, другие пытались, демонтировав Соссюра на части, показать, что каждая из демонтированных частей имеет своего духовного отца в лице того или другого лингвиста, социолога, философа и т. п.» [14, с. 669].

Пожалуй, в наиболее заострённой (и наиболее парадоксальной) форме мысль о некоей «мифологичности» самого соссюровского авторства (именно в качестве «автора содержания текста») высказал отечественный лингвист В.К. Журавлёв. В научно-популярной книге «Занимательные диалоги о языкознании» при рассмотрении данного вопроса находим следующий обмен репликами между ним и одним из персонажей («Математиком»):

«М а т е м а т и к. Это напоминает коллективного автора Никола Бурбаки, группу молодых математиков, предпринявших смелую попытку пересмотреть основания математики. Может быть, и здесь под именем Соссюра выступает коллективный автор и один из них – Бодуэн и кто-нибудь из его учеников?

– Любопытнейшая мысль! Так эта проблема не ставилась. Вполне вероятно, что именно такой подход и поможет разрешить некоторые загадки “Курса”...» [4, с. 101].

Предположение, разумеется, выглядит весьма интригующим и, вероятно, было бы вполне уместным в художественном произведении. Однако, поскольку речь идёт о реальной истории науки, думается, что оно скорее порождает новые загадки, нежели разрешает существующие.

Прежде всего, вряд ли целесообразно пренебрегать тем обстоятельством, что Никола Бурбаки – лицо вымышленное, тогда как в реальном существовании Фердинанда де Соссюра сомнений, вроде бы, не существует.

Во-вторых, если учесть, что сам Соссюр излагал материал, лёгший в основу «Курса», ис-

ключительно на лекциях, и никаких записей его после себя не оставил, то придётся считать, что либо «коллективный автор» обладал сверхъестественной пронизательностью, заранее зная, что ничего не подозревающие об этой грандиозной мистификации Ш. Балли и А. Сеше через несколько лет после его смерти задумают «воссоздать» этот труд, либо авторы сами были её участниками.

Наконец, в-третьих, довольно сомнительно в этическом плане выглядит при таком раскладе роль самого Ф. де Соссюра, излагавшего своим слушателям чужие мысли. Не говорим уже о том, что совершенно непонятны мотивы, по которым И.А. Бодуэн де Куртенэ (да ещё в компании с «кем-нибудь из его учеников») стал бы приписывать свои идеи швейцарскому коллеге, с которым он, правда, был знаком и состоял в переписке, но никакими особенно тесными узами связан не был. Один из этих самых учеников – В.А. Богородицкий – действительно претендовал на «долю участия» в соссюровском наследии, но ссылаясь на гораздо более простую причину (вопрос о том, насколько основательно, – не является предметом нашего рассмотрения): «...Идею» синхронизма «при лингвистических сопоставлениях я выдвинул за целую четверть века до... де Соссюра, который имел в своём распоряжении мою немецкую брошюру... и если нет в его книге упоминания о ней, то это я объясняю посмертным изданием его книги, отчасти составленной по записям слушателей» (цит. по: [7, с. 209]), – не без иронии, явно вызванной задетым самолюбием, добавляя: «Мне очень лестно, что идею «синхронизма», выдвинутую мною в 1890 г., ваши лингвисты Виноградов, Петерсон и нек. др. ставят в особую заслугу знаменитого Ф. де Соссюра в книге «Cours de linguistique générale» (1916)...» [13].

Впрочем, хотя о заслугах на данном прищце самого В.А. Богородицкого, действительно, и в самой России, кроме него самого, никто до появления работ Ф.М. Березина (см., в частности, [2]) особенно не вспоминал, то утверждения о том, что «посмертная книга Ф. де Соссюра, которая многими была вос-

принята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой» [8, с. 3-4] были весьма распространены среди отечественных учёных. Отразилась эта точка зрения и в зарубежных работах, чему очень способствовала известная статья Р.О. Якобсона [17].

Вместе с тем и в российском (советском), и в зарубежном языкознании не отрицали того бесспорного факта, что различий между текстом «Курса общей лингвистики» и содержанием работ И.А. Бодуэна де Куртенэ можно найти, пожалуй, не меньше, чем сходств. Об этом, в частности, писали в упомянутых выше работах Н.А. Слюсарева, А.А. Холодович и др. В книге В.К. Журавлёва также после процитированных выше слов о том, что «именно такой подход и поможет разрешить некоторые загадки “Курса”...», – читаем: «...Ведь при всём огромнейшем сходстве идей Соссюра и Бодуэна архитектура их произведений, без сомнения, различна, как различны и источники, питавшие их» [4, с. 101], – хотя, на наш взгляд, это несколько противоречит допущению о возможности наличия в составе «коллективного автора» «Курса» Бодуэна и его неназванного ученика. В работе же Е. Кёрнера предположение о тождественности общелингвистических взглядов Бодуэна и Соссюра вообще квалифицируется как «вводящее в заблуждение» (*quite misleading*): «В действительности нет никаких свидетельств того, что Бодуэн когда-либо рассматривал язык как систему в том смысле, в каком её понимал Соссюр... его, в основном, интересовали не социальный, а индивидуальный и психологический аспекты языка – в противоположность Соссюра, который никогда не занимался лингвистикой речи (*parole*), хотя и признавал её возможность..., а подчёркивал, что подлинная лингвистика занимается исключительно языком (*langue*)» [18, с. 140].

Но как бы ни относиться к тезису о «вторичности» тех идей, которые – в чём не приходится сомневаться – Ф. де Соссюр дей-

ствительно высказывал в своих лекциях и которые легли в основу «Курса общей лингвистики», – фактом остаётся то обстоятельство, что именно текст последнего стал той книгой, которая определила развитие науки о языке на протяжении значительной части XX столетия, в то время как предпринимавшиеся попытки реставрации «подлинного» Соссюра (см. о них в: [14; 10] и др.), в общем, остались достоянием достаточно узкого круга специалистов и никакого особого влияния на мировую лингвистическую мысль не оказали. Ещё раз подтвердилась известная истина, что нередко текст, став достоянием читателя, начинает жить в значительной степени независимо от автора. Выяснение отношения Соссюра к предшественникам и современникам, естественно, очень важно и интересно для биографии учёного, но для формирования тех концепций, появление которых было в значительной степени вызвано публикацией этой книги, данный вопрос вряд ли играл сколь-нибудь существенную роль. И в этом смысле именно «воссозданный» Ш. Балли и А. Сеше текст и приходится считать «подлинным» Соссюром – даже если бы сам учёный, имя которого стоит на титульном листе, кое с чем и не согласился бы.

Пожалуй, наиболее наглядной иллюстрацией этого положения можно считать вопрос о знаменитой фразе, которой заканчивается этот «канонический» текст: «Из сделанных нами экскурсов в пограничные области нашей науки вытекает следующий принцип... тем более интересный, что он совпадает с основной идеей этого курса: *единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе самом и для себя*» [11, с. 208].

Пожалуй, трудно найти работу о Ф. де Соссюре, созданную за последние полвека, где бы не было сказано о том, что никакого отношения к Соссюру этот, по выражению Р.О. Якобсона, «апокрифический эпилог» [16, с. 394] не имеет, что данную формулировку «следует оставить всецело на совести издателей, ибо она не зафиксирована ни в одном конспекте, ни в одном цикле лекций» [15, с. 18] и

т. п. В этом смысле «обличение» Ш. Балли и А. Сеше в своего рода «искажении Соссюра» стало неким общим местом в лингвистической историографии. С фактической стороны, возможно, это действительно так – нет никаких оснований сомневаться в том, что в *сохранившихся* источниках «Курса общей лингвистики» и студенческих конспектах, которые легли в его основу, данного положения действительно нет. Однако неизбежно возникает вопрос: зачем же в этом случае его создателям понадобилось такое сознательное «искажение»? Причём, как отмечалось в специальной литературе, Ш. Балли в дальнейшем процитировал его именно «как если бы оно было сформулировано самим Соссюром» [18, с. 222].

Можно было бы, разумеется, предположить, что сделано это было для того, чтобы «освятить» авторитетом учителя свои собственные взгляды – подобно некоему средневековому автору, который признавался, что «распространённое отрицательное отношение к новшествам вынуждает его выдавать свои мысли за чужие и приписывать их древним или арабским мыслителям» [3]. Однако думается, что в данном случае такое предположение выглядит несколько натянутым. Когда Балли и Сеше приступили к созданию «Курса», Ф. де Соссюр отнюдь не мог считаться признанным авторитетом в мировом языкознании (по характеристике А.А. Холодовича, к моменту смерти это был учёный, «известный лишь близким ученикам, но почти совершенно забытый современниками» [14, с. 671]). С другой стороны, данное положение отнюдь не может безоговорочно признаваться характерным для концепции названных лингвистов в целом. Известно, что «Ш. Балли в отличие от Ф. де Соссюра не ограничивал своё исследование рамками внутренней лингвистики», а у А. Сеше можно найти тезис о том, что «нужно идти не по предполагавшемуся Соссюром пути» [1, с. 160, 164]. Кроме того, поскольку к моменту выхода в свет «Курса общей лингвистики» слушатели и коллеги Соссюра находились в добром здравии, нельзя было не считаться

с возможностью возражений с их стороны. Однако, насколько известно, последовали они со стороны историков науки значительно позже – во второй половине прошлого столетия, когда большинство людей, лично общавшихся с тем, от имени которого говорили составители и издатели книги, уже покинуло этот мир.

Никоим образом не претендуя на окончательное разрешение этого вопроса, позволим себе выдвинуть следующее соображение в качестве рабочей гипотезы. Как известно, предисловие Ш. Балли и А. Сеше, которым предваряется собственно текст книги, начинается со следующих слов: «Сколько раз нам приходилось слышать из уст Фердинанда де Соссюра сетования на недостаточность принципов и методов той лингвистики, в сфере которой развивалось его дарование» [11, с. 85]. Вряд ли приходится сомневаться в том, что речь идёт именно о том, что в «Курсе общей лингвистики» именуется *лингвистикой языка*. Характеризуя её, учёный вполне мог использовать ту формулировку (или нечто, её напоминающее), которую Балли и Сеше сочли возможным включить в печатный текст в качестве собственно соссюровской мысли. Кстати, она немногим отличается от слов, которыми завершается глава о лингвистике языка и лингвистике речи и которые отнюдь не вызвали такой бурной реакции: «Можно в крайнем случае сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи. Но её нельзя смешивать с лингвистикой в собственном смысле, с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык» [11, с. 58]. Таким образом, приходится констатировать, что, несмотря на то внимание, которое уделялось в специальной литературе «соссюровскому вопросу», ряд связанных с ним моментов не получил однозначного решения и заслуживает дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
2. Березин Ф.М. Русское языкознание конца XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://justlife.narod.ru/gurevich/gurevich06.htm> (дата обращения: 14.09.2012).
4. Журавлев В.К. Занимательные диалоги о языкознании. – М.: КомКнига, 2010. – 208 с.
5. Кузнецов В.Г. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к структурализму. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 184 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
7. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки языке. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 376 с.
8. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М.: Федерация, 1931. – 183 с.
9. Слюсарева Н.А. О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию // Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
10. Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 112 с.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов // Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
13. Труды В.А. Богородицкого. Казанская лингвистическая школа (1875 – 1939 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kls.ksu.ru/bogor/works_bib_bogor.php?id=1&num=1000000 (дата обращения: 16.09.2012).
14. Холодович А.А. Ф. де Соссюр. Жизнь и труды // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
15. Холодович А.А. О «Курсе общей лингвистики Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
16. Якобсон Р.О. Значение лингвистических универсалий для языкознания // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – 496 с.
17. Jakobson, R. The Kazan' School of Polish linguistics and its place in the international development of phonology. // R. Jakobson. Selected Writings. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1971. – 752 p.
18. Koerner E.F.K. Ferdinand de Saussure. Origin and Development of his Linguistic Thought in Western Studies of Language. – Braunschweig: Vieweg, 1973. – 428 p.